

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

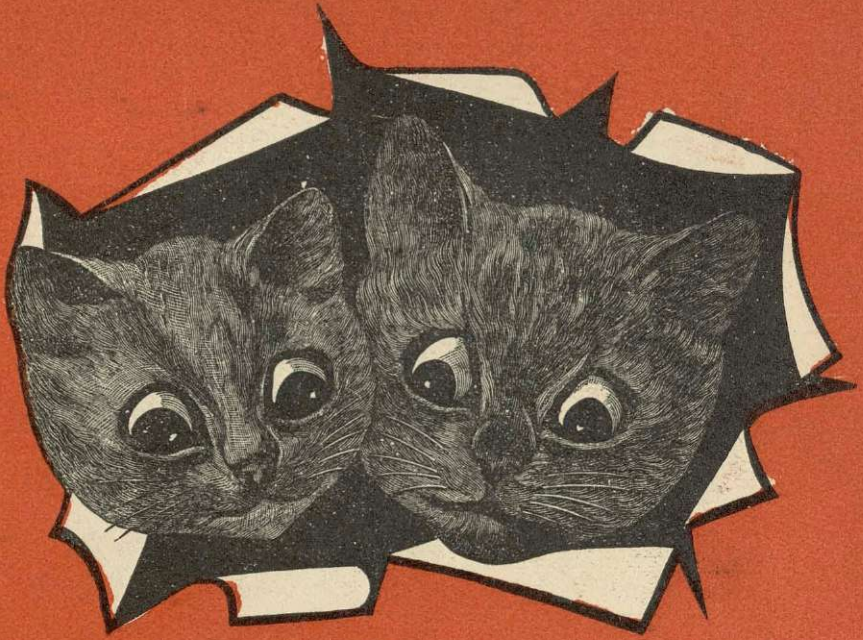
XVI $\frac{45}{70}$

Годъ изданія четвертый.

ЮЛЬ.

№ 17.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.
ДРУЖОКЪ (исторія одной
собаки).
НОЧЬ.
СТАРЫЙ РЫБАКЪ.
ПОЧЕМУ и ПОТОМУ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Автомобиль для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Ну, вотъ и вечерь! Солнце сѣло. Въ послѣдній разъ поетъ кукушка,
Вернулось стадо. Жукъ жужжитъ. Кричитъ въ болотѣ коростель,
Кричатъ лягушки. Все зашло. И гдѣ то у лѣсной опушки
Чуть-чуть на вѣткахъ листь дро- Поетъ задумчиво свирѣль.
житьъ.

И волны легкія тумана Утомонились ужъ ребятки,
Слегка повисли надъ рѣкой. Поѣли наскоро — и спать!
Свой запахъ плетъ никоціана Весь день они играли въ прятки,
И ароматнымъ сталъ левкой. Едва загнали ихъ въ кровать.

На небѣ чистомъ, какъ лампадка,
Зажглась звѣзда. Ужъ спать пора,
Но на душѣ такъ тихо, сладко,
Что не ушелъ-бы со двора.

Кузнечикъ.

ДРУЖОКЪ.

Исторія одной собаки.

Дружокъ родился на окраинахъ Петербурга и, какъ и всѣ щенки, совершенно не помнилъ своего ранняго дѣтства. Какъ-то утромъ онъ увидалъ себя въ канавѣ у тротуара, самъ не зная, какъ онъ въ нее попалъ и какъ вдругъ оказался здѣсь, а не въ своей родной конурѣ, гдѣ его кормила мать. Ему было холодно и онъ скулилъ. Около него не было его братьевъ и сестры, ему не о кого было погрѣться и онъ съ удивленіемъ озирался по сторонамъ своими, еще мутными, глазами и нюхалъ воздухъ.

День тому назадъ его мать попала подъ трамвай, ее раздавило колесами вагона, и уже цѣлыя сутки ея дѣти ожидали ее и хотѣли ѣсть. Дворникъ того дома, въ которомъ она жила, утомился слушать ихъ жалобные стоны и рѣшилъ раздать всѣхъ щенятъ по своимъ знакомымъ. Трехъ щенковъ, наиболѣе красивыхъ, ему

удалось скоро пристроить, а четвертаго не взялъ никто. Тогда онъ выбросилъ его въ канаву.

— Пуцай его тамъ околѣваетъ! рѣшилъ онъ и спокойно отправился къ себѣ домой.

Къ счастью, мимо того мѣста проходилъ какой-то господинъ. Онъ услышалъ жалобныя попискиванія щенка, нагнулся надъ нимъ и сталъ его гладить.

— Бѣдняжка! пожалѣлъ онъ его.—Тебя выбросили сюда на голую смерть!

Почувствовавъ на своемъ тѣлѣ теплую руку, щенокъ высунулъ свой розовенькій языкъ и сталъ имъ ее лизать.

— Что-же теперь съ тобой дѣлать? проговорилъ господинъ.—Если-бы я не былъ такъ бѣденъ, то взялъ-бы тебя къ себѣ!... Впрочемъ... мнѣ жаль тебя! Пока ты малъ, съ насъ хватитъ обоихъ, а тамъ—увидимъ! Иди сюда... Говорятъ, что живая находка приноситъ счастье.

И онъ взялъ щенка на руки, засунулъ его за пазуху и понесъ его къ себѣ домой. Онъ тоже жилъ на окраинѣ Петербурга и снималъ маленькую комнатку у какой-то бѣдной вдовы, которая помѣщалась въ двухъ другихъ комнаткахъ и шила на магазины бѣлье.

Когда онъ вошелъ, то маленькая дочь его хозяйки собиралась въ школу. Въ черномъ передникѣ поверхъ коричневаго платья, она суетилась около своихъ книгъ и

укладывала ихъ въ сумку. Жилецъ подошелъ къ ней и молча, въ шутку, положилъ ей въ сумку и щенка. Она взвизгнула отъ радости, глаза ея засверкали и она бросилась къ матери.

— Мама! воскликнула она.— Посмотри скорѣе! Посмотри сюда!

— Откуда ты его взяла? спросила ее мать.

— Мнѣ сейчасъ принесъ его Иванъ Захарычъ и прямо положилъ въ сумку... Какой хорошенькій!

И, обратившись къ жильцу, она взглянула на него радостными благодарными глазами и спросила:

— Гдѣ вы его взяли?

— Я нашелъ его, Вѣрочка, въ канавѣ..., отвѣтилъ Иванъ Захарычъ.—Мнѣ стало его жаль, я вспомнилъ о васъ, и вотъ захватилъ его и принесъ. Ему надо дать поѣсть. Покормили-бы вы его молочкомъ!

Вѣрочка позабыла о книжкахъ и о школѣ и занялась щенкомъ. Она налила въ блюдце молока, поставила его на полъ и придвинула къ нему собачку. Но щенокъ ничего не понималъ. Тогда она нагнула его мордочку къ молоку и окунула ее въ блюдце. Щенку было это непріятно, но тѣмъ не менѣе онъ сталъ жадно облизываться своимъ розовымъ язычкомъ.

— Онъ еще не умѣетъ самъ ѣсть! сказалъ Иванъ Захарычъ.—

Его придется кормить съ тряпочки, какъ ребенка изъ рожка.

— Съ тряпочки? спросила Вѣрочка.—Какъ это съ тряпочки?

Онъ поднялъ съ полу лоскуточекъ полотна, свернулъ его въ трубочку, обмочилъ въ молоко и поднесъ его къ мордочкѣ щенка. Неуклюжій, еще не умѣвшій твердо стоять на ногахъ, щенокъ подползъ къ нему поближе, забралъ его въ ротъ и сталъ сосать.

— Ну, вотъ видите! обратился къ Вѣрочкѣ Иванъ Захарычъ.—Такъ онъ и будетъ питаться молокомъ!

Для Вѣрочки настала новая жизнь. Она не помнитъ, какъ она отправилась потомъ въ училище, какъ досидѣла въ немъ до конца уроковъ и, какъ, сломя голову и не помня себя, бѣжала потомъ къ себѣ домой.

Дома ее ожидалъ теперь ея новый другъ. Она принялась его кормить, воспитывать, она держала его около себя и онъ замѣнилъ ей и игрушки, которыхъ у нея за бѣдностью не было никогда, и подругъ, которыя никогда не приходили съ ней играть.

— Но какъ-бы намъ его называть? говорила она.—Какое-бы придумать ему имя?

— Назовите его какъ-нибудь попроще! посоветывалъ ей Иванъ Захарычъ.

— Я назову его „Дружокъ“!

— Ну, вотъ и хорошо! Такъ

пусть съ нынѣшняго дня онъ будетъ у насъ Дружокъ!

И щенокъ получилъ свое имя.

Недѣлю спустя, онъ уже самъ лакъ. Изъ блюда молоко, а когда настала весна и потянулся нѣжный запахъ отъ молодой листвы березъ и тополей, которыхъ еще много растетъ на окраинахъ Петербурга, то онъ уже бѣгалъ за Вѣрочкой на цѣпочкѣ и, возвращаясь съ прогулки, съ ворчаніемъ принимался грызть уже обсохшую и давно изгрызенную имъ-же кость. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь ужъ надо было его кормить и, сколько ему ни давали и ни бросали остатковъ со стола, онъ никогда не былъ сытъ и, вѣчно голодный, постоянно сморѣлъ въ глаза.

— Ну, чего глядишь! обращалась къ нему вдова.—Намъ и самимъ-то нечего ѣсть, а ты ѣшь за четверыхъ!

Дружокъ понималъ это и виновато вилялъ хвостомъ.

Иванъ Захарычъ очень привязался къ Дружку. Онъ былъ во всемъ Петербургѣ одинъ, судьба не дарила его счастьемъ и ему всегда хотѣлось имѣть друга, хотя-бы даже то была собака. И теперь, когда выросъ Дружокъ, онъ чувствовалъ къ нему какое-то особенное расположеніе, точно Дружокъ былъ не собака, а человѣкъ. Иванъ Захарычъ служилъ къ кон-

торъ при фабрикѣ, уходилъ туда съ трехъ часовъ дня и возвращался домой только къ ночи. Такимъ образомъ, пока Вѣрочка была въ школѣ, Дружокъ проводилъ время съ Иваномъ Захарычемъ, а когда Вѣрочка приходила домой, то онъ весело начиналъ играть и съ ней. И всякій разъ когда Иванъ Захарычъ отправлялся къ себѣ на фабрику, Дружокъ обязательно провожалъ его туда, все время бѣжалъ у его ногъ, останавливался, когда останавливался и онъ, и, доведя его до самыхъ воротъ фабрики, ласково вилялъ ему на прощанье хвостомъ.

— Ну, до свиданія! обращался къ нему Иванъ Захарычъ.— Бѣги теперь обратно!

И Дружокъ съ сознаниемъ исполненнаго долга возвращался черезъ весь Петербургъ къ себѣ домой.

Дружокъ не былъ красивой собакой. Онъ былъ темно-грязнаго цвѣта, его лапы были несоразмѣрно коротки въ сравненіи съ величиной тѣла и это придавало ему нѣкоторое сходство съ таксой, но онъ вовсе не походилъ и на таксу, такъ какъ у него были большая туповатая голова и коротенькій отъ природы хвостъ, похожій на сосиску. Его нельзя было причислить ни къ какой определенной породѣ, потому что въ немъ были на лицо признаки всѣхъ породъ вообще. Это не была и дворняжка, потому что дворовая

собака, какъ-бы некрасива она ни была, всегда обладаетъ признаками своей породы.

Но не смотря на это, Дружокъ, былъ даже очень забавенъ. Его коротенькій хвостикъ добродушно вертѣлся изъ стороны въ сторону, его большіе, круглые глаза съ добротой и довѣріемъ смотрѣли на хозяевъ, его уши и тупая морда обладали чѣмъ-то такимъ, что сразу привлекало къ себѣ и заставляло его приласкать. Кромѣ того, онъ обладалъ всѣми качествами, которыя требуются отъ хорошей собаки: онъ былъ остороженъ, умѣлъ находить дорогу, былъ храбръ, любилъ задираить другихъ собакъ и отличался такою вѣрностью, какая рѣдка была, вѣроятно, даже у многихъ, очень дорогихъ собакъ.

Иванъ Захарычъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Одессы, гдѣ оставилъ свою жену и маленькую дочь. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не получалъ отъ нихъ писемъ. Онъ писалъ имъ, но онѣ почему-то не отвѣчали, и это приводило его въ отчаяніе.

— Что-бы это могло значить? задавалъ онъ себѣ вопросъ.— Почему онѣ такъ долго мнѣ не пишутъ?

И вмѣсто того, чтобы работать еще больше и пробивать себѣ дорогу впередъ, онъ сталъ думать о возвращеніи къ себѣ на родину, къ своей семьѣ. Но путешествіе это должно было потребовать отъ него

большихъ затратъ и онъ сталъ терпѣливо ждать, когда придутъ отъ жены вѣсти и на всякій случай откладывалъ на поѣзду деньги. Но сбереженія его подвигались впередъ очень медленно, онъ по прежнему каждый мѣсяць посылалъ бѣольшую часть своего заработка домой и ему оставались только крохи, на которыя нужно было содержать самого себя и кормиться, хотя и впроголодь, въ Петербургѣ.

Хозяинъ той фабрики, при которой онъ служилъ, задумалъ поставить у себя новыя машины и выписалъ ихъ изъ заграницы. Едва только прошла Нева и море очистилось отъ льда, какъ пароходъ уже пришелъ въ Петербургъ съ этими машинами и сталъ ихъ выгружать. Понадобилось имѣть на пристани своего вѣрнаго, толковаго человѣка, который-бы принималъ эти машины съ парохода и распоряжался-бы подвозкой ихъ къ фабрику, гдѣ уже инженеры и мастера должны были устанавливать ихъ на мѣстѣ. И выборъ хозяина упалъ на Ивана Захарыча. Онъ назначилъ ему хорошее жалованіе, поручилъ ему это важное дѣло и, когда дѣло было исполнено, онъ далъ Ивану Захарычу еще и личную награду. Бѣдный прикащикъ отъ радости не чувствовалъ подъ собою ногъ. Онъ поработаетъ еще немного, попроситъ у своего хозяина отпускъ и отправится къ

своей семьѣ. Черезъ два мѣсяца онъ будетъ уже въ Одессѣ. Тамъ его родина, тамъ его встрѣтятъ его жена и дочь, онъ увидитъ ихъ, прижметъ ихъ къ сердцу и мысль объ этомъ наполняла теперь всю его жизнь. Только-бы заработать еще побольше денегъ!

— Скоро я ихъ увижу... мечталъ онъ.—Воображаю, какъ онѣ удивятся, когда я къ нимъ явлюсь!

И онъ сталъ понемножку собираться въ дальній путь.

Пароходъ все еще стоялъ въ гавани и Иванъ Захарычъ часто ходилъ туда то съ тѣмъ, то съ другимъ порученіемъ отъ своего хозяина. Всякій разъ его сопровождалъ туда Дружокъ. Иванъ Захарычъ проводилъ на пароходѣ часа по два и по три, это казалось Дружку скучнымъ и въ ожиданіи своего пріятеля онъ отъ нечего дѣлать, бродилъ по набережной. Это случалось такъ часто, что матросы уже его признали, ласкали его и Дружокъ и самъ ласкался ко всякому, кто носилъ на себѣ матросскій костюмъ. Это довѣріе и было причиной того, что ему пришлось совершить путешествіе, о которомъ онъ даже и не мечталъ.

Однажды, ожидая Ивана Захарыча, Дружокъ бродилъ по набережной и вдругъ увидѣлъ свою знакомую собаку.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила она его.

— Да вот поджидаю своего хозяина!.. отвѣтилъ Дружокъ.— Надо бѣжать сзади него, когда онъ пойдетъ домой. А ты куда бѣжишь?

— Просто гуляю отъ нечего дѣлать. Пойдемъ со мной!

— Пойдемъ... Только не надолго!

— Всего на какія-нибудь десять минутъ! Хочешь, я представлю тебя своимъ друзьямъ?

И они побѣжали по набережной.

Дружокъ былъ еще молодъ и любилъ поиграть съ другими собаками. Такъ и сейчасъ. Наигравшись вдоволь со своими новыми знакомыми, онъ вспомнилъ вдругъ объ Иванѣ Захарычѣ и побѣжалъ понюхать, не осталось-ли запаха отъ его слѣдовъ? Но какъ разъ, когда онъ пробѣжалъ мимо какого-то чужого парохода, его остановили вдругъ какіе-то два незнакомые матроса.

— Гляди, сказалъ одинъ изъ нихъ,—какая смѣшная собака!

— Вотъ чудная! отвѣтилъ другой.—Точно обезьяна! А впрочемъ, морда у нея умная, ничего!

И онъ нагнулся къ Дружку, чтобы его приласкать. Дружокъ былъ вѣжливъ и покорно принялъ отъ него его ласку.

— Какой это породы? спросилъ первый матросъ.

— А кто-жъ его знаетъ, какой! отвѣтилъ матросъ.—Навѣрное, собачьей! Какъ ты думаешь, онъ можетъ ловить мышей?

— Конечно, можетъ!

— Въ такомъ случаѣ возьмемъ его къ себѣ на пароходъ! У насъ пропасть развелось крысъ и мышей!

— Это вѣрно!

Матросъ вытащилъ изъ кармана кусочекъ обгрызаннаго сахару и поманилъ имъ Дружка.

Дружокъ очень любилъ сладкое и потому охотно послѣдовалъ за нимъ. Такимъ образомъ матросы подманили его къ самому пароходу. Онъ доверчиво смотрѣлъ матросамъ въ самые глаза и вилялъ своимъ коротенькимъ хвостомъ. Какъ вдругъ матросы переглянулись, одинъ изъ нихъ быстро нагнулся надъ Дружкомъ, схватилъ его на руки и стремительно бросился съ нимъ на пароходъ. Почувявъ опасность, Дружокъ сталъ выворачиваться у него изъ рукъ, биться и кусаться, но изъ этого не вышло ничего. Матросъ крѣпко держалъ его за шиворотъ и не выпускалъ его до тѣхъ поръ, пока не спустился съ нимъ куда-то внизъ и не заперъ его куда-то въ темный чуланчикъ.

— Теперь онъ нашъ! услышалъ Дружокъ голосъ матроса.— Онъ будетъ ловить у насъ крысъ и мышей.

Когда Дружка выпустили затѣмъ на свободу, то пароходъ качался уже по волнамъ и находился въ открытомъ морѣ. Вдалекѣ виднѣлся въ туманной дымкѣ Петербургъ и пуститься по морю вплавь,

Голуби.

— А ну-ка, покажи, сколько у тебя ягод!

чтобы добраться домой, было-бы безуміемъ. Это понялъ Дружокъ съ перваго-же взгляда и, жалобно заскуливъ, печально сталъ взадъ и впередъ бродить по пароходу.

Сойдя на берегъ, Иванъ Захарычъ долго звалъ къ себѣ Дружка, долго ему свисталъ, заглядывалъ во всѣ стороны, но не получивъ отвѣта, сообразилъ, что, вѣроятно, собака убѣжала домой безъ него, и потому, ничего не подозрѣвая, отправился къ себѣ одинъ.

Дружокъ долго привыкалъ къ своему новому положенію и наконецъ привыкъ. У него былъ очень покладистый характеръ, онъ легко понималъ все то, чего отъ него требовали люди, и старался имъ угождать во всемъ. Ему сказали, что онъ долженъ былъ ловить крысъ и мышей, и онъ сталъ ихъ ловить. Онъ ловилъ ихъ съ такимъ усердіемъ, что скоро заслужилъ похвалы и отъ повара, у котораго мыши обгладывали въ кладовой провизію, и отъ матросовъ, у которыхъ крысы прогрызали даже ихъ фуражки во время сна. Однимъ словомъ Дружокъ скоро сдѣлался всеобщимъ любимцемъ на пароходѣ и никому теперь даже и въ голову не приходило посмѣяться надъ его сравнительнымъ уродствомъ.

И Дружокъ не чувствовалъ себя плохо; въ глубинѣ своего собачьяго сердца онъ сокрушался только о томъ, что больше уже никогда не

увидитъ своего Ивана Захарыча и Вѣрочку. И не столько Вѣрочку, сколько Ивана Захарыча. Онъ вспоминалъ, какъ бросилъ его и побѣждалъ знакомиться съ собаками, и ему теперь было стыдно за свое легкомысліе и за самого себя, что онъ такъ глупо поймался на кусочекъ огрызеннаго сахара.

— Если-бы я не отставалъ отъ своего хозяина ни на шагъ, думалъ онъ, — какъ это дѣлаетъ каждая вѣрная собака, то этого-бы не случилось. Можетъ быть, онъ теперь плачетъ безъ меня, думаетъ, что меня убили, или, что еще того хуже, что я измѣнилъ ему и добровольно промѣнялъ его на другихъ... Какъ я непростительно былъ глупъ!

Два мѣсяца спустя, пароходъ присталъ къ какому-то городу, въ которомъ опять слышалась русская рѣчь. Пароходъ обогнулъ всю Европу, часто приставалъ къ другимъ городамъ, но тамъ говорили все на какихъ-то неизвѣстныхъ Дружку языкахъ, и вдругъ, послѣ двухмѣсячнаго перерыва онъ снова услышалъ русскую рѣчь. Онъ обрадовался, выбѣжалъ на берегъ и понюхалъ воздухъ. Да, это дѣйствительно было такъ! Это былъ русскій городъ, потому что пахло русскимъ духомъ!

„Теперь я найду здѣсь своего хозяина!“ рѣшилъ Дружокъ и отправился на поиски.

Онъ не зналъ географіи и по-

тому не понималъ, что ихъ пароходъ пришелъ въ Одессу, а не въ Петербургъ; онъ слышалъ русскую рѣчь, чуялъ русскій духъ и ему казалось, что онъ снова у себя на родинѣ. Странно только, что все какъ будто-бы перемѣнилось на берегу: не тѣ постройки, не тѣ береговыя сооруженія и даже цвѣтъ моря и неба не тотъ.

Пока пароходъ разгружался у берега, никто не интересовался Дружкомъ. Онъ могъ свободно бѣгать по всему городу, разыскивая своего хозяина, и только прибѣгалъ обратно, чтобы поѣсть и поспать. Однажды онъ пробѣгалъ по торговому кварталу. Было жарко и ему сильно хотѣлось пить. Онъ забѣжалъ въ тѣнь какого-то амбара и, высунувъ языкъ, улегся тамъ отдохнуть.

„Отдохну немного“, подумалъ онъ,—„и побѣгу снова на поиски!“

Въ это время чернорабочій катилъ мимо него бочку съ деревяннымъ масломъ.

— Эй, ты, песъ! закричалъ онъ Дружку.—Сторонись!

Дружокъ не понялъ его, хотѣлъ было уже вскочить, но бочка прокатилась мимо него и отдала ему лапу. Онъ громко завизжалъ, отбѣжалъ на трехъ ногахъ на середину улицы и сталъ горько плакать отъ боли.

— Бѣдняга! говорили прохожіе.— Несчастливая собака!

— Сама виновата! огрызнулся рабочій.—Я ее предупреждалъ!

И долго еще вылъ бѣдный Дружокъ, потряхивая лапкой отъ боли. Проплакавъ такъ съ полчаса, онъ наконецъ успокоился и побрелъ къ себѣ обратно на пароходъ. Но ноги едва его несли. Боль отъ лапки распространилась по всему его тѣлу, и ему было невозможно идти. Онъ подошелъ къ забору, легъ около него и сталъ жалобными глазами смотрѣть на прохожихъ.

— Авось сейчасъ пройдетъ мой господинъ! думалъ онъ и вздрагивалъ отъ боли.

Какъ и всѣ раненныя существа, Дружокъ очень хотѣлъ пить. Но подняться и добѣжать до какой-нибудь лужицы, гдѣ могла быть вода, у него не хватало силъ. Высунувъ языкъ и изнемогая отъ жажды, онъ лежалъ подъ заборомъ, то бодрствуя, то переходя въ полубабытье, и ему казалось, что вода гдѣ-то далеко и что ему уже не добѣжать до нея никогда.

— Посмотри, мама, какая несчастная собака! вдругъ раздался около Дружка чей-то дѣтскій голосъ.

Онъ открылъ глаза и увидалъ передъ собою даму съ дѣвочкой лѣтъ десяти. Онѣ были опрятно, хотя и бѣдно, одѣты и глубокая грусть свѣтилась въ ихъ глазахъ. Обѣ нагнулись надъ раненой собакой.

— Кажется, она ранена! сказала дама.—Осмотри ее, Надя!

Надя осмотрѣла Дружка со всѣхъ сторонъ.

— У нея болитъ лапка! сказала она.—Но гдѣ-же ея хозяинъ? Отчего онъ не позаботится о ней?

— У нея нѣтъ хозяина! сказалъ тотъ-же рабочій, который катилъ бочку.—Развѣ вы не видите, какая это породистая собака! Всякому пріятно имѣть такую дорогую собаку!

Дама была больна и только что выписалась изъ больницы. Она пролежала въ ней болѣе мѣсяца и видъ страданій даже маленькаго животнаго заставлялъ ее сочувствовать ему и принимать участіе въ его судьбѣ.

— Возьмемъ ее, Надя, къ себѣ! обратилась она къ дѣвчкѣ.

— Возьмемъ! съ радостью отвѣтила Надя и съ трудомъ приподняла Дружка съ земли.

Онѣ понесли его домой. Проходя мимо одного изъ фонтановъ, Надя зачерпнула изъ него ладонью воды и дала ему попить. Онъ жадно вылакалъ изъ ея ладони всю воду и попросилъ еще. Она напоила его еще и еще разъ и онъ ожилъ настолько, что спрыгнулъ съ ея рукъ на землю и заковылялъ за нею на трехъ ногахъ.

Придя домой, Надя и ея мать устроили ему постель у двери въ уголку и уложили его въ ней на старомъ половичкѣ. Дружокъ по-

чувствовалъ себя, какъ дома, и сталъ лизать имъ руки.

— Смотри, мама, какъ онъ намъ благодаренъ! сказала дѣвочка.— Онъ лижетъ намъ руки!

И она стала мечтать, какъ она будетъ съ нимъ ходить гулять и играть. Она будетъ бѣгать, а онъ ее догонять, она будетъ бросать мячикъ, а онъ будетъ его ловить и ей подавать.

— Знаешь, мама, я назову его Дружкомъ! сказала она.—Я всегда хотѣла, чтобы у меня была собака Дружокъ. Вотъ и папа мнѣ писалъ, что у его квартирной хозяйки есть дочь Вѣрочка и у нея есть собака Дружокъ! Теперь я напишу папѣ въ Петербургъ и скажу ему, что есть собака и у меня!

— Только не пиши ему ничего о томъ, что я была больна, сказала мать.—Пусть онъ не знаетъ объ этомъ ничего. А то онъ встревожится и ему будетъ тяжело! Я нарочно не писала ему уже такъ давно!

И Дружокъ поселился у своей новой хозяйки. Ему здѣсь было хорошо, о немъ заботились, любили его, онъ лучшаго ничего не желалъ, а тѣмъ временемъ привезшій его въ Одессу пароходъ разгрузился и поплылъ далѣе своей дорогой. Теперь Дружокъ уже выздоровѣлъ совсѣмъ и всюду бѣгалъ за Надей и ея мамой. Онъ искренно привязался къ своимъ но-

вымъ госпожамъ, полюбили ихъ всею душой, но все еще никакъ не могъ забыть Ивана Захарыча, который когда-то спасъ ему жизнь. Онъ думалъ и о Вѣрочкѣ, и о томъ матросѣ, который когда-то сманилъ его кусочкомъ сахара, и все они часто снились ему во снѣ. Здѣсь его такъ-же называли Дружкомъ, какъ и въ Петербургѣ, и ему отъ этого еще болѣе казалось, что онъ гдѣ-то недалеко отъ своего прежняго жилья.

Прошло около трехъ недѣль. Надя отправилась однажды къ себѣ въ пансіонъ. Дружокъ проводилъ ее туда и теперь степенно возвращался къ себѣ домой одинъ. Въ это время изъ Петербурга пріѣхалъ наконецъ Иванъ Захарычъ. По пріѣздѣ въ Одессу онъ по порученію своего хозяина, долженъ былъ прямо съ вокзала отправиться къ одному фабриканту и передать ему отъ него письмо. Это было неприятно Ивану Захарычу, такъ какъ ему хотѣлось какъ можно скорѣе повидаться съ семьей, но дѣлать было нечего и онъ поѣхалъ къ этому господину. Когда онъ сидѣлъ у него въ садикѣ и передавалъ ему возложенное на него порученіе, вдругъ слышались визжаніе и лай. Что-то черное, неуклюжее, заслышавъ голосъ Ивана Захарыча, билось съ улицы у рѣшетки палисадника, скулило, радовалось и въ то-же время и страдало. И когда при-

слуга отворила калитку, чтобы отогнать собаку прочь, то она юркнула у нея около ногъ, ворвалась въ садикъ, бросилась, какъ сумасшедшая, къ ничего не подозревавшему Ивану Захарычу и стала лизать его въ руки, лицо, въ глаза, во что попало...

Это былъ вѣрный Дружокъ. Отъ радости онъ, казалось, ополоумѣлъ и, ничего не замѣчалъ и ничего не желалъ знать, прыгалъ вокругъ своего хозяина и визжалъ отъ радости такъ, точно ему наступили на лапу или на хвостъ.

— Это ты? казалось, хотѣлъ онъ этимъ сказать.— Наконецъ-то я тебя вижу, мой дорогой хозяинъ! Я такъ тебя долго искалъ! Узнаешь-ли ты меня? Ну, приласкай-же меня! Прости меня, что я тебя оставилъ тогда на берегу! Это не моя вина. Если-бъ ты зналъ, какъ я счастливъ, что тебя вижу!

А Иванъ Захарычъ тоже узналъ своего Дружка и слезы заструились у него по обѣимъ щекамъ.

— Дружокъ! Мой милый, вѣрный Дружокъ! восклицалъ онъ и прижималъ собаку къ своей груди.— Неужели это ты? Какъ ты сюда попалъ?

А когда поутихли наконецъ первые восторги свиданія и Иванъ Захарычъ сталъ продолжать наконецъ прерванный дѣловой разговоръ, то Дружокъ усѣлся у него подъ стуломъ и рѣшилъ больше не разставаться съ нимъ никогда.

Но какъ это сдѣлать? Въ его собачьемъ мозгу не помѣщалась возможность рѣшить этотъ вопросъ. Онъ нашелъ своего хозяина, но какъ теперь ему быть съ новыми хозяйками? Неужели придется и имъ измѣнить? Нѣтъ, какъ-бы онъ ни любилъ Ивана Захарыча, но онъ ни за что не броситъ и ихъ. Онъ постарается остаться вѣрнымъ и ему, и имъ. Для этого онъ постарается ихъ свести вмѣстѣ, познакомитъ Ивана Захарыча со своей новой семьей и постарается устроить такъ, чтобы они жили всѣ вмѣстѣ. Тогда и ему, Дружку, не придется дѣлить свое сердце пополамъ.

— Это прекрасная мысль! рѣшилъ онъ наконецъ, сидя подъ стуломъ у своего хозяина и слизывая, изъ уваженія къ нему, ваку съ его сапогъ.—Я постараюсь ихъ познакомить!

И когда Иванъ Захарычъ окончилъ свой разговоръ и отправился разыскивать свою семью, то Дружокъ взялъ его зубами за край пальто и повелъ его куда-то въ другую сторону.

— Куда ты меня ведешь? обратился къ нему Иванъ Захарычъ.

Но Дружокъ не выпускалъ его полы изъ зубовъ и насильно тащилъ его туда, куда хотѣлъ. Иванъ Захарычъ изъ любопытства послѣдовалъ за нимъ.

Виляя дѣловито хвостомъ, Дружокъ привелъ его къ пансіону,

гдѣ училась Надя. Онъ поднялся на заднія лапки, позвонилъ зубами въ звонокъ и ему отворили. Онъ вошелъ въ калитку первый. Иванъ Захарычъ, все такъ-же изъ любопытства, послѣдовалъ за нимъ. Въ это время была переменна и ученицы бѣгали по двору и играли въ какую-то общую игру. Одна изъ дѣвочекъ увидѣла собаку и радостно закричала:

— Дружокъ!

Другія ученицы тоже увидали его, окружили его со всѣхъ сторонъ, стали его ласкать и кормить. Но онъ не обратилъ вниманія на ихъ привѣтствія, подошелъ къ Надѣ, взялъ ее зубами за передникъ и подвелъ ее къ Ивану Захарычу.

Нужно-ли писать, что было потомъ? Увидѣвъ свою Надю, Иванъ Захарычъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и отъ слезъ едва могъ говорить.

— Надечка!.. воскликнулъ онъ.

—Моя милая, дорогая дочь!

А Надя въ свою очередь не вѣрила своимъ глазамъ, крѣпко прижалась къ груди отца и лепетала:

— Папочка! Папа! Милый папа!

Какъ по тебѣ соскучились мама и я!

Дѣвочки стояли тутъ-же и имъ было странно и дико присутствовать при этой встрѣчѣ дочери съ отцомъ и въ то-же время что-то милое, нѣжное, что-то желан-

ное, тонкою струйкою вливалось въ ихъ сердечки, и имъ хотѣлось тоже радоваться, прыгать и даже, пожалуй, громко рыдать.

Затѣмъ Иванъ Захарычъ и Надя отправились изъ пансіона домой. Впереди нихъ шелъ Дружокъ и по прежнему гордо размахивалъ своимъ хвостикомъ.

Я не берусь описать свиданіе Ивана Захарыча съ женой. Оно было радостное, трогательное, какимъ только можетъ быть свиданіе у добрыхъ, любящихъ людей. Около нихъ вертѣлся Дружокъ и ему казалось, что все это устроилъ онъ самъ.

Вечеромъ Надя сидѣла за сто-

ломъ и писала къ Вѣрочкѣ въ Петербургъ письмо: „Я не знакома съ тобой, милая Вѣрочка,— писала она,—но должна сообщить тебѣ большую нашу радость. Къ намъ приѣхалъ папа, который много рассказалъ мнѣ о тебѣ. Его привелъ ко мнѣ въ пансіонъ твой Дружокъ. Какъ онъ попалъ къ намъ въ Одессу, я не знаю. Теперь Дружокъ долженъ познакомиться меня съ тобой. Мы скоро переѣзжаемъ въ Петербургъ. До скорого свиданія. Твоя Надя“.

Черезъ мѣсяць вся семья вмѣстѣ съ Дружкомъ дѣйствительно переѣхала на жительство въ Петербургъ.

М.—скій.

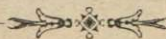
=== Н О Ч Ь. ===

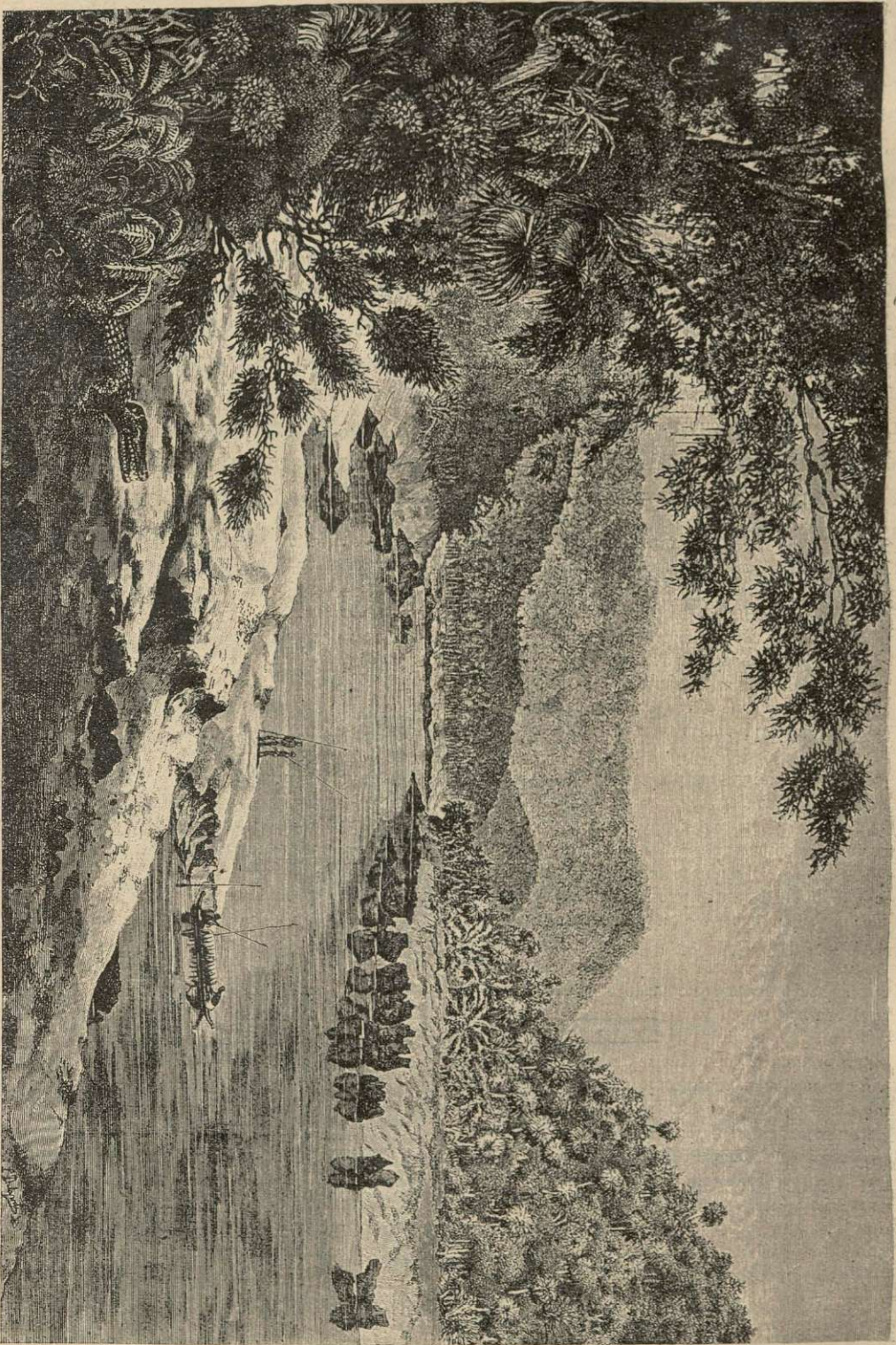
Настала ночь. Вернулось стадо,
Ужъ тонуть въ сумракъ лѣса
Отъ рѣчки тянется прохлада
И на траву легла роса.

Жуки съ жужжаньемъ пролетаютъ,
Порхаетъ нѣжный мотылекъ,
И тамъ, за рѣчкой, ужъ пылаетъ
Далекій чей-то огонекъ.

Звонарь часы протяжно звонитъ,
Уже одиннадцать... Пора!
Все спитъ и насъ ко сну ужъ клонитъ...
Спокойной ночи до утра!

Ирисъ.

На рѣкѣ Конго въ Африкѣ.

СТАРЫЙ РЫБАКЪ.

Было девять часовъ вечера. Рыбакъ Григорій Андреевичъ и его жена не зажигали огня и молча сидѣли вдвоемъ передъ печкой, въ

но сѣверо-восточный вѣтеръ угонялъ его подальше отъ береговъ. и оно ревѣло теперь такъ, что шумъ его волнъ слышался за нѣсколько

Въ жаркій полдень.

которой горѣли накалившіеся до красна уголья. На дворѣ бушевала непогода. Вѣтеръ, какъ угорѣлый, носился вдоль берега, волновалъ море, гудѣлъ въ трубѣ, поднималъ солому на крышѣ и хлопалъ ставнями избушки. Непокойное Азовское море рвалось къ землѣ,

версть отъ берега тамъ, гдѣ мирная степь молчаливо убѣгала на сѣверъ. Старички сидѣли передъ огнемъ, опутивъ головы и погружившись въ глубокія думы. Время отъ времени, точно отвѣчая своимъ мыслямъ, старушка глубоко вздыхала и говорила:

— Гдѣ-то онъ теперь?

И старичокъ, точно эхо, въ свою очередь ей отвѣчалъ:

— Да, гдѣ-то онъ теперь? Кто знаетъ!..

Они думали о своемъ внукѣ Яшѣ.

Ихъ дочь вышла замужъ въ далекій Батумъ и тамъ умерла, ихъ сынъ утонулъ въ морѣ уже десять лѣтъ тому назадъ, оставивъ четырехъ-лѣтняго мальчика Яшу. Одинокіе, не нужные никому, старики воспитали этого Яшу и не чаяли въ немъ души. Мальчикъ росъ, любилъ своихъ дѣдушку и бабушку, но между нимъ и ими было мало общаго и онъ скучалъ и чувствовалъ себя съ ними такимъ-же одинокимъ, какими были и они. Ему не доставало сверстниковъ, школы и то, къ чему такъ стремилась его душа, приводило ихъ въ ужасъ: онъ хотѣлъ быть морякомъ. Онъ обожалъ море. При видѣ парусныхъ лодокъ онъ дрожалъ отъ волненія, а далекій дымокъ парохода заставлялъ его переноситься мыслями къ инымъ людямъ и берегамъ, гдѣ пальмы касались вершинами небесъ и гдѣ зрѣли апельсины и въ вѣткахъ деревьевъ весело суетились попугаи и обезьяны. Дѣдъ и отецъ его были рыбаками и ихъ зависимость отъ моря передалась по наслѣдству и ему; но онъ не былъ покорный труженникъ моря — рыбака, а мечталъ о борьбѣ съ его волнами, о далекихъ путешествіяхъ, буряхъ, невѣдо-

мыхъ странахъ. Цѣлыми часами онъ просиживалъ на берегу и глядѣлъ на горизонтъ, гдѣ показывались иногда паруса или длинный дымъ отъ парохода, и передъ его глазами выросли заманчивыя картины тропическихъ лѣсовъ или безбрежный бушующій океанъ, или неизвѣстный никому, необитаемый островъ. И когда онъ возвращался къ себѣ въ избушку, то она казалась ему тѣсной и неприглядной и ему было неловко передъ стариками, что они жили такъ бѣдно и имъ некому было помочь.

— Ничего!.. ободрялъ онъ въ такихъ случаяхъ себя. — Скоро буду помогать имъ и я!

И въ одну темную ночь онъ убѣжалъ. Онъ не простился ни съ дѣдушкой, ни съ бабушкой, боясь, что они могутъ его задержать, и тайкомъ одѣлся и ушелъ. Какой-то матросъ, знавшій еще его покойнаго отца, сманилъ его къ себѣ на баркасъ и увезъ его въ ближайшій портъ. Тамъ онъ поступилъ мальчикомъ на какой-то иностранный пароходъ и съ тѣхъ поръ никто не зналъ, гдѣ онъ плавалъ и былъ-ли живъ и здоровъ.

И съ тѣхъ поръ старички еще болѣе осиротѣли. Объ ихъ Яшѣ не приходило вѣстей. Цѣлыми днями они думали только о немъ, они видѣли его во снѣ и когда начинали о немъ разговоръ, то боялись говорить: „онъ погибъ“, а всегда горили такъ: „когда онъ пріѣдетъ“.

Но въ глубинѣ души они были увѣрены, что онъ погибъ.

Въ этотъ осенній вечеръ старички чувствовали себя какъ-то особенно одиноко и безъ надежды впереди. Дуль вѣтеръ, гудѣлъ у нихъ въ трубѣ, на морѣ стояла непогода и шумѣли волны. И имъ казалось, что именно теперь, именно въ такую погоду, бѣдствуетъ ихъ внучекъ Яша, если онъ еще живъ, и имъ хотѣлось имѣть крылья, чтобы полетѣть къ нему въ темную даль, схватить его и прижать его къ себѣ.

Старушка поднялась съ мѣста и подкинула углей въ печку. Они затрещали и мелкія, острыя искры брызнули отъ нихъ во всѣ стороны. Отъ подкинутыхъ углей въ лачугѣ стало темнѣе.

— Пойти поглядѣть... поднялся старый рыбакъ, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. И онъ зажегъ фонарь и накиннулъ на себя клеенчатый капюшонъ.

— Куда ты? спросила его старушка.

— Сегодня утромъ поставилъ въ камняхъ верши, отвѣтилъ онъ, — да позабылъ днемъ посмотришь... Дуетъ вѣтеръ, пожалуй еще море за ночь угонить, тогда и вовсе останемся безъ рыбы...

— Охота тебѣ ночью ходить!.. Слышишь, какъ вѣтеръ воетъ?.. Какъ-бы тебя самого-то съ горы не сдуло... Остался бы...

— Да вотъ уже съ недѣлю безъ

рыбы сидимъ, нельзя! Все-таки и продать кое-что надо. Хлѣба купить не на что. Лавочникъ и такъ обижается, что денегъ не отдаемъ. Знаешь вѣдь, какой онъ!

— Подождаль-бы до утра. Спаси Богъ, свалишься еще и упадешь! И что тебѣ за охота ночью болтаться въ морѣ? Точно позабылъ, что оно отняло у насъ и сына, и Яшу...

Старикъ въ нерѣшимости потоптался на мѣстѣ, а потомъ махнулъ рукой и направился къ двери.

— Ну, прощай... сказалъ онъ. — Ложилась-бы ты спать!

И онъ вышелъ. Ему тотчасъ-же задулъ вѣтеръ прямо въ лицо, за тѣмъ подхватилъ его и понесъ. Раздувая полы его клеенчатой накидки и срывая съ его головы башлыкъ, онъ старался спихнуть его съ высокаго берега внизъ, гдѣ шумѣло безпокойное море. Но онъ медленно и твердо спускался съ горы и его фонарь освѣщалъ вокругъ него только желтыя глыбы глины и кое-гдѣ уцѣлѣвшій съ лѣта бурьянъ, который протягивалъ къ старику свои корявые лапы и, казалось, хотѣлъ его схватить. Свѣтлый кругъ отъ фонаря, въ центрѣ котораго двигались двѣ ноги старика вмѣстѣ съ нимъ медленно двигался по скату горы и спускался внизъ.

Сойдя къ самому берегу, Григорій Андреевичъ различилъ въ темнотѣ мрачныя тѣни, еще болѣе темныя, чѣмъ ночь.

— Вотъ и камни... проговорилъ онъ. — Торчатъ, изъ воды, точно монахи... Только почему-же они сейчасъ не въ водѣ?.. Эге! Да море-то отъ берега угнало!

Онъ подошелъ къ гранитной глыбѣ, теперь одиноко торчавшей на пескѣ, и освѣтилъ ее фонаремъ.

— Здѣсь у меня поставлены верши... сказалъ онъ.

Онъ нагнулся и пошарилъ рукой. Всѣ онѣ рядомъ лежали на сухомъ теперь пескѣ. Еще утромъ онѣ были въ водѣ, но вѣтеръ угналъ море отъ берега и онѣ оказались точно на берегу. Старикъ горько улыбнулся.

— Вотъ такъ удачная ловля! проговорилъ онъ. — Опять безъ рыбы остались! Даромъ только приманка пропала... Такъ намъ счастье и везетъ, такъ и везетъ!

Онъ поставилъ фонарь и разогнулъ спину. Она болѣла у него и онъ погладилъ ее руками.

— Охъ-хо-хо!.. вздохнулъ онъ. — Старость не радость! Поскорѣй-бы помирать!

Гдѣ-то далеко впереди ревѣли волны. Старикъ стоялъ теперь передъ ними, смотрѣлъ въ темную, непроглядную даль и до него доносился ихъ ревъ, слышался шумъ ихъ брызгъ и, казалось, само море просило помощи у вѣтра и умоляло его, чтобы онъ не угонялъ его такъ далеко отъ жилья. И еще долго стоялъ Григорій Андреевичъ

и глядѣлъ въ темноту и слезы на-вернулись ему на глаза.

— Тамъ мой сынъ и внукъ!.. сказалъ онъ наконецъ и глубоко вздохнулъ.

Почему тамъ именно они, молодые, здоровые, полные силъ и надеждъ, а не онъ, старикъ, который не можетъ уже работать и не ждетъ ничего впереди? Почему ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ, а вотъ онъ, старикъ, топчется теперь на землѣ и только даромъ занимаетъ чужое мѣсто? Кому онъ нуженъ? Для чего онъ живетъ? Не лучше-ли и ему поскорѣе отправиться туда-же, гдѣ покоятся сейчасъ его сынъ и внукъ?

И вдругъ вмѣстѣ съ шумомъ моря порывъ вѣтра донесъ до него чей-то голосъ:

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Сюда!

Онъ вздрогнулъ и прислушался.

— Помогите!.. снова донесся съ моря чей-то голосъ.

Да, онъ не ошибся! Это дѣйствительно былъ чей-то голосъ, это кричалъ человѣкъ, отчаянно звалъ на помощь. Но гдѣ же онъ? Что съ нимъ случилось?

Старикъ напрягъ свой слухъ и затрепеталъ. Съ новымъ порывомъ вѣтра до него опять долетѣлъ съ моря голосъ человѣка. Еще и еще. Григорій Андреевичъ схватилъ съ земли фонарь и замахалъ имъ въ воздухъ въ отвѣтъ. Затѣмъ, насколько хватило у него силъ, онъ подбѣжалъ къ той гранитной скалѣ, около которой бесполезно валялись

его верши, вскарабкался на нее и поставилъ на нее фонарь. Потомъ онъ снова сползъ вмѣстѣ съ фонаремъ на землю и суетливо забѣгалъ взадъ и впередъ по песку.

Что было дѣлать? Подниматься наверхъ, на высокій берегъ, и цѣлую версту бѣжать затѣмъ въ рыбацье селеніе, чтобы поднять всѣхъ на ноги и отправить ихъ на помощь? Но уцѣлѣеть-ли до тѣхъ поръ тотъ, кто такъ безнадежно кричитъ теперь изъ далекихъ волнъ? Сѣсть въ лодку самому, поставить парусъ и помчаться, какъ въ бывшее время, на помощь? Но вѣтромъ угнало море далеко отъ берега и его баркасъ лежитъ теперь на привязи бокомъ на голомъ пескѣ.

— Несчастный!.. съ досадою проговорилъ старикъ.—Даже нельзя ему помочь!

И затѣмъ рѣшившись и выпрямившись во весь свой ростъ, онъ приложилъ ладони къ губамъ и во весь голосъ закричалъ въ нихъ, точно въ трубу:—

— Держись! я иду тебя выручать!

И широко размахивая фонаремъ въ воздухъ, чтобы дать погибавшему о себѣ знать, онъ направился по обсохшему песку туда, гдѣ въ темнотѣ ревѣли волны и откуда все еще слышался, хотя и слабый уже, крикъ о помощи.

Но вотъ ужъ и вода. Тамъ, впереди, должна быть гряда камней, а за нею открытое море. Теперь, въ темнотѣ, камней не видно.

Слышно только какъ о нихъ разбиваются волны и съ шумомъ дробятся на миллионы брызгъ. Если погибающій находится на этихъ камняхъ, то быть можетъ теперь, въ отливъ, здѣсь не такъ глубоко и его можно будетъ спасти.

И перекрестившись три раза, Григорій Андреичъ смѣло вошелъ въ воду. Подъ его ногами захрустѣли ракушки и задвигались круглые подвижные камешки, но онъ шелъ бодро и настойчиво впередъ. Его фонарь зачерпнулъ воды и загасъ. По шею въ водѣ старикъ нащупывалъ ногами дорогу и наконецъ передъ нимъ выросла въ темнотѣ гряда камней. Цѣпляясь за морскую траву, онъ выползъ на берегъ и сталъ шарить руками по камнямъ. Вотъ какіе-то обломки; несомнѣнно это остатки чьей-то лодки. А вотъ и что-то мягкое, мокрое, похожее на узелъ. Старикъ ощупываетъ этотъ узелъ и вдругъ узнаетъ, что это чловѣкъ. Онъ уже не двигается, не кричитъ и лежитъ, вытянувшись во весь свой ростъ. Григорій Андреичъ кладетъ ему руку на грудь. Онъ еще живъ. Сердце его слабо-слабо бьется.

— Какъ-же мнѣ съ тобою быть? бормочетъ старикъ.

Онъ приподнимаетъ незнакомца съ земли, усаживаетъ его и старается привести его въ чувство. Но у незнакомца голова безжизненно падаетъ на грудь.

— Можетъ быть я стащу тебя на берегъ? задаетъ себѣ старикъ вопросъ.— Хватить-ли у меня силъ? Господи, спаси и помилуй!

Онъ приподнялъ утопленника съ земли, взвалилъ его къ себѣ на плечи и съ своей драгоценной ношей снова сошелъ въ воду. Вѣтеръ ослабѣлъ, море снова побѣждало къ берегу и теперь вода сразу поднялась на нѣсколько вершковъ.

На срединѣ пути она была уже настолько высока, что подходила старику подъ самые глаза. Его ноша пригибала его книзу. Ноги стибались въ колѣняхъ и старикъ ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ упадетъ. Поднявшись на ципочки, высоко закинувъ голову кверху, онъ медленно передвигалъ ноги, а вода поднималась все выше и выше и уже готова была поглотить и его.

„Погибаю!“ мелькнуло въ головѣ у старика.— „Прощай, старуха! Прощай, Яна, если ты еще живъ!“

Но становится все мельче и мельче, съ каждымъ шагомъ старикъ чувствуетъ, что онъ ближе къ дому и вотъ уже во мракѣ передъ нимъ вырисовываются темный, высокій, глинистый берегъ и на его вершинѣ тускло мерцаетъ огонекъ. Это въ его избенкѣ. Тамъ теперь спитъ его старуха и не знаетъ, что онъ спасъ человѣка и несетъ его домой.

Еще одно усилие — и онъ на твер-

дой землѣ. Не спуская своей ноши съ плечъ, онъ идетъ по песку, поднимается по скользкой тропинкѣ наверхъ, но на срединѣ горы задыхается и останавливается, чтобы перевести духъ. Вѣтеръ старается столкнуть его внизъ.

— Теперь ужъ близко... шепчетъ старикъ и душа его наполняется восторгомъ.— Вотъ только переведу духъ и опять пойду.

Отдохнувъ немного, онъ низко сгибается подъ тяжелой ношей и снова отправляется въ путь. Но вотъ ужъ избушка. Въ окошко свѣтится огонекъ и длиннымъ лучомъ отражается по землѣ. Онъ подходит къ двери, отворяетъ ее и входитъ.

— Это я, старуха, не бойся... говорить онъ.— Я вернулся съ моря...

Старушка легла уже спать.

— Ты что-нибудь поймалъ? спрашиваетъ она съ постели.

— Поймалъ... Гляди!.. отвѣчаетъ онъ.— Да еще какую рыбу! Ну, вставай, вставай поскорѣй, да ставь самоваръ. Я нашелъ утопленника и принесъ его на себѣ, на своихъ плечахъ, сюда! Онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. Его прибило къ нашимъ камнямъ. Быть можетъ онъ уже и умеръ!.. Я весь мокрый... Обогрѣй и меня, и его!

— Боже мой!.. Ахъ, батюшки!.. Что-же теперь дѣлать?

Старушка соскочила съ кровати, въ одной юбкѣ побѣждала къ самовару, бросила въ него лучинъ,

наставила трубу, затѣмъ подкинула въ печку углей и вмѣстѣ съ мужемъ опустилась надъ тѣломъ, неподвижно лежавшимъ на полу.

— Дай-ка сюда лампу! сказалъ старикъ.

Она взяла со стѣны лампу и передала ее старику. Онъ приблизилъ ее къ утопленнику и освѣтилъ ему лицо.

— Яша!! Нашъ милый Яша! вдругъ воскликнула старушка и слезы радости брызнули у нея изъ глазъ.

И она бросилась къ тѣлу, обняла его, прижала его къ себѣ и стала его цѣловать, ласкать, говорить ему нѣжныя слова.

— Яша, милый Яша! лепетала она. Ты очнешься, ты будешь еще жить. Господь услышитъ мою молитву и спасетъ тебя!

Да, это былъ онъ, ихъ внукъ, котораго они любили и видѣть котораго такъ жаждала ихъ душа.

Старикъ засуетился, поднялъ его на руки, уложилъ въ постель и сталъ его согрѣвать. Мало-по-малу юноша сталъ приходить въ себя и наконецъ открылъ глаза. Онъ обвелъ ими вокругъ себя, вздохнулъ, затѣмъ оглядѣлся еще разъ и вдругъ радостно улыбнулся. Онъ узналъ свою избушку и стариковъ. Съ радостнымъ крикомъ онъ протянулъ къ нимъ руки, они приблизились къ нему и онъ сталъ ихъ обоихъ обнимать. И вновь нача-

лись поцѣлуи, слезы радости, веселый смѣхъ!

Затѣмъ Яша ослабѣлъ и впалъ въ забытье. Слишкомъ ужъ много ему пришлось перенести во время бури. Старикъ смѣшалъ уксусъ съ водкой и, по рыбацъему обычаю, растеръ имъ внука съ ногъ до головы. Потомъ онъ укрылъ его еще другимъ одѣяломъ и сверху шубой и тихонько отошелъ къ сторонкѣ.

— Пусть онъ согрѣется, пропотѣетъ!.. сказалъ онъ.— Жаль, что не удалось напоить его чайкомъ!

Григорій Андреичъ самъ былъ весь мокрый и дрожалъ, но онъ совершенно позабылъ о себѣ и улыбался во все лицо. Онъ сидѣлъ поодаль, у жаркой печи, глядѣлъ на своего внука и ему хотѣлось, какъ маленькому, вскочить, запрыгать отъ радости, обнять свою старуху и пуститься съ нею въ плясъ. Но года были ужъ не тѣ, и онъ ограничился только тѣмъ, что поглядывалъ то на жену, то на внука и только повторялъ:

— Каково, старуха? А? Кто-бы могъ этого ожидать?

А бабушка суетилась около самовара, хваталась то за одно, то за другое и отъ радости не знала, что отвѣчать. Ея чепецъ съѣхалъ у нея съ головы на сторону, она не поправляла его, совершенно не понимала, что дѣлала, и все крестилась и говорила:

— Ахъ, Господи!.. Ахъ, Боже

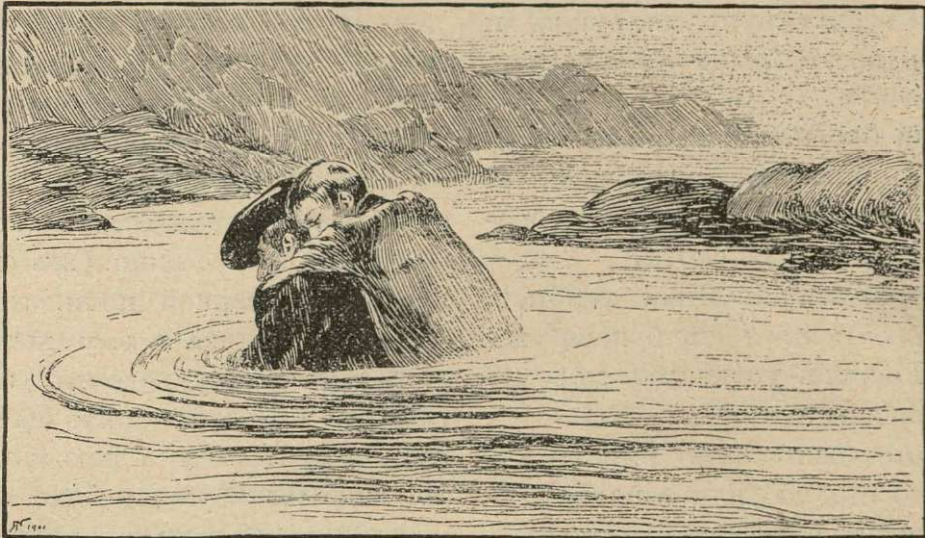
мой!.. Да что-же это я, куриная слѣпота, ничего не вижу? Достают не то, что надо!

И всю ночь они прохлопотали около внука, не смыкали глазъ и не чувствовали усталости.

Подъ утро Яша проснулся, оглядѣлся и счастье жизни наполнило вдругъ все его существо. Старикъ подошелъ къ нему и ласково потрогалъ его за лобъ.

— Лежи, лежи! сказалъ ему дѣдушка.—Тебѣ еще не время вставать! Лежи до тѣхъ поръ, пока не высохнетъ твоя одежда.

Старикъ и старушка подѣли къ внуку и онъ началъ имъ свой рассказъ. Въ короткихъ фразахъ, въ полъ-голоса, но съ горделивымъ блескомъ въ глазахъ онъ рассказаль имъ, какъ плавалъ по далекимъ морямъ, какъ боролся съ

Его ноша пригибала его книзу

— Ну, что? Какъ? спросилъ онъ. — Хорошо-ли ты чувствуешь себя?

Но юношѣ не нужно было отвѣчать. По его лицу, по радостному выраженію его глазъ старики могли догадаться, что вчерашній вечеръ прошелъ для него безслѣдно и что его крѣпкая, молодая природа за одну ночь переработала все.

Яша поднялся съ кровати и хотѣлъ одѣваться.

океаномъ, какія видѣлъ диковинныя страны, какихъ людей и звѣрей, какія испытывалъ радости и лишения въ пути. Онъ рассказаль имъ какъ охотно онъ трудился, какое наслажденіе находилъ въ тяжеломъ трудѣ, какъ крѣпко спалъ и какъ радостно пробуждался, чтобы съ восходомъ солнца начать свой полный дѣятельности день. Затѣмъ онъ сообщилъ имъ, какъ сталъ по нимъ скучать и какъ вдругъ его

потянуло къ нимъ домой, на родину, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ когда-то протекало его мечтательное дѣтство. И вотъ онъ сѣлъ на пароходъ и отправился въ Россію. Къ сожалѣнію, пароходъ не при-

скочилъ на камни и какъ гдѣ-то на берегу кто-то ободряюще махалъ фонаремъ. А когда онъ открылъ затѣмъ глаза, то увидѣлъ себя уже не на голой грядѣ камней, а въ теплой постели и около

Въ тихій вечеръ.

сталъ къ сосѣднему порту. Пришлось сѣсть на баркасъ и уже одному пуститься къ роднымъ мѣстамъ, не смотря на собравшуюся непогоду. А дальше... дальше ужъ онъ не помнитъ ничего. Онъ помнитъ только, какъ его баркасъ на-

себя тѣхъ, кто былъ для него дороже всѣхъ.

— Быть можетъ, вы обижаетесь на меня... пугливо замѣтилъ юноша и, покраснѣвши, опустилъ глаза.—Можетъ быть, вы не рады, что я пришелъ?

Они—обижаются! Они—и вдругъ не рады его возвращенію! Да можетъ-ли это быть? Они каждую минуту думали о немъ и не сядились ѣсть, чтобы не вздохнуть о томъ, сытъ-ли онъ въ чужихъ краяхъ, или нѣтъ? Они каждую ночь просыпались съ его именемъ на устахъ. Да могутъ-ли они не быть рады его возвращенію домой?!

— Если-бы у меня было чѣмъ отпраздновать твое спасеніе, отвѣтилъ ему дѣдушка,—то я не пожалѣлъ-бы ничего.—Но я какимъ бѣднымъ былъ до твоего ухода, такимъ остался и теперь. Ты увидишь это самъ.

Юноша лукаво улыбнулся и опустил глаза.

— Пошарь-ка, дѣдушка, у меня въ пиджакѣ! Тамъ подъ подкладкой у меня кое-что зашито для тебя!

Бабушка сняла съ гвоздя пид-

жакъ и подала его старику. Онъ распоролъ подкладку и вытащилъ оттуда кожаный пакетъ, наглухо зашитый со всѣхъ сторонъ.

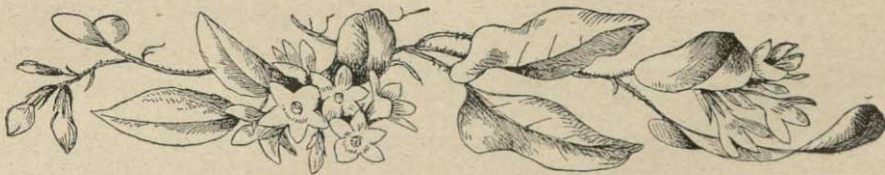
— Разрѣжь его! сказала Яша.— Кажется, онъ не промогъ!

Дѣдушка разрѣзалъ пакетъ и вытащилъ оттуда деньги. Яша взялъ ихъ у него изъ рукъ и быстрымъ движеніемъ бросился къ дѣдушкѣ на шею, прижалъ старика къ себѣ и сунулъ ему деньги за жилетку.

— Это тебѣ... сказалъ онъ.— Все это я заработалъ своимъ трудомъ! Теперь тебѣ не нужно будетъ трудиться и хлопотать!

Старикъ обнялъ его голову и поцѣловалъ его въ маковку. Двѣ слезинки скатились съ его глазъ и упали Яшѣ на волоса.

Что значать для него эти деньги, когда возвратился къ нему его внукъ?
Морякъ.

ПОЧЕМУ И ПОТОМУ.

Почему мы не видимъ нашего дыханія въ теплую погоду? Наше дыханіе всегда гораздо теплѣе, чѣмъ окружающій насъ воздухъ. При этомъ дыханіе наше всегда оди-

наково тепло, тогда какъ окружающій насъ воздухъ бываетъ то холоднѣе, то теплѣе. Въ нашемъ дыханіи заключается вода, которая испаряется изъ нашего тѣла.

Если въ воздухѣ тепло, то эти частицы воды такъ и расплываются въ немъ незамѣтно; если-же бываетъ холодная погода, то частицы воды тотчасъ-же превращаются въ паръ, т. е. вода стущается въ мельчайшіе пузырьки, которыхъ нельзя различить простымъ глазомъ, но которые составляютъ собою паръ въ совокупности своей. Попробуйте внести въ теплую комнату стаканъ со льдомъ или со снѣгомъ, и вы увидите, что онъ тотчасъ-же покроется влагой; это значитъ, что на его стѣнкахъ уже осѣла та невидимая вода, которая находилась, незамѣтно для нашихъ глазъ, въ воздухѣ комнаты. Попробуйте теперь подышать на этотъ стаканъ со льдомъ,—и вы увидите, что у васъ изо-рта пойдетъ паръ: это значитъ, что вода заключающаяся въ нашемъ дыханіи, при встрѣчѣ съ холоднымъ воздухомъ, образовавшимся вокругъ стакана со льдомъ, превратилась въ мельчайшіе пузырьки, изъ которыхъ состоитъ всякій паръ. Вотъ почему мы и видимъ въ холодную погоду наше дыханіе въ видѣ пара.

Почему на горахъ холоднѣе, чѣмъ внизу на землѣ? Когда вы поднимаетесь на гору, то вы становитесь ближе къ солнцу и, казалось-бы, тамъ должно было-бы быть теплѣе, чѣмъ внизу; однако-же на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе: чѣмъ выше вы влѣзаете на гору,

тѣмъ становится все холоднѣе и холоднѣе. Это происходитъ вотъ почему: Земля получаетъ свою теплоту изъ двухъ источниковъ—отъ солнца и отъ подземнаго огня; кромѣ того земля окружена со всѣхъ сторонъ воздухомъ, который нагрѣвается и задерживаетъ въ себѣ эту теплоту. У самой поверхности земли, внизу, воздухъ всегда бываетъ гуще, а на вершинахъ горъ—онъ жиже. Поэтому-то, чѣмъ выше мы поднимаемся на горы, тѣмъ воздухъ становится все жиже и жиже, слѣдовательно, тѣмъ менѣе онъ задерживаетъ въ себѣ земную и солнечную теплоту; поднимитесь на воздушномъ шарѣ—и вы тотчасъ-же почувствуете, что воздухъ становится все жиже и жиже и одновременно съ этимъ будетъ все холоднѣе и холоднѣе. А что земля имѣетъ свою собственную теплоту, совершенно независимую отъ теплоты солнца,—это доказываютъ каменно-угольные шахты. Чѣмъ вы глубже спускаетесь въ землю, тѣмъ въ нихъ становится все теплѣе и теплѣе.

Почему громъ гремитъ уже послѣ того, какъ мы увидали молнію? Молнія и громъ происходятъ одновременно, безъ всякаго промежутка между собою, только намъ такъ кажется, будто они происходятъ врозь. Молнія—это есть движеніе электрической искры въ облакахъ. Разсѣкая воздухъ съ невѣроятной

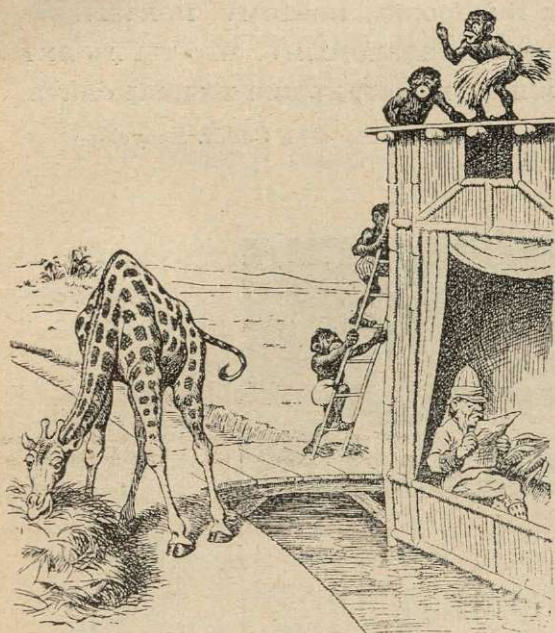
быстротой, молнія дѣлаетъ его по своему пути такимъ горячимъ, что онъ сразу-же расширяется и содрагается; слышится взрывъ: это и есть громъ. Свѣтъ пробѣгаетъ по воздуху 180.000 миль въ одну секунду, а звукъ—всего только 600 миль въ секунду. Вотъ почему блескъ молніи достигаетъ до насъ раньше, чѣмъ звукъ грома. Поэтому никогда не бойтесь, когда услышите громъ. Разъ гремитъ, значитъ, опасность уже миновала. Многие люди боятся грома; это совершенно напрасно: вѣдь чѣмъ больше промежутокъ между вспышкой молніи и ударомъ грома, тѣмъ, значитъ, дальше отъ насъ и, слѣдовательно, менѣе опасность. Не бойтесь-же сами и успокаивайте другихъ!

Почему мы чихаемъ? Обыкновенно мы чихаемъ тогда, когда намъ въ носъ попадаетъ что-нибудь такое, къ чему внутренность нашего носа еще не привыкла. Носъ представляетъ собою каналъ, черезъ который проходитъ къ намъ въ легкія воздухъ, необходимый намъ при дыханіи, а нашъ мозгъ устроенъ такъ, что если что-нибудь попадетъ въ этотъ каналъ, то мозгъ заставляетъ насъ сдѣлать порывистое дыханіе, чтобы выскочилъ изъ носа этотъ попавшій предметъ. Это и есть чиханіе. Такъ напр., попавшая къ намъ въ носъ перчинка заставляетъ насъ чихать, потому что нашъ мозгъ приказываетъ намъ ее выбросить вонъ;

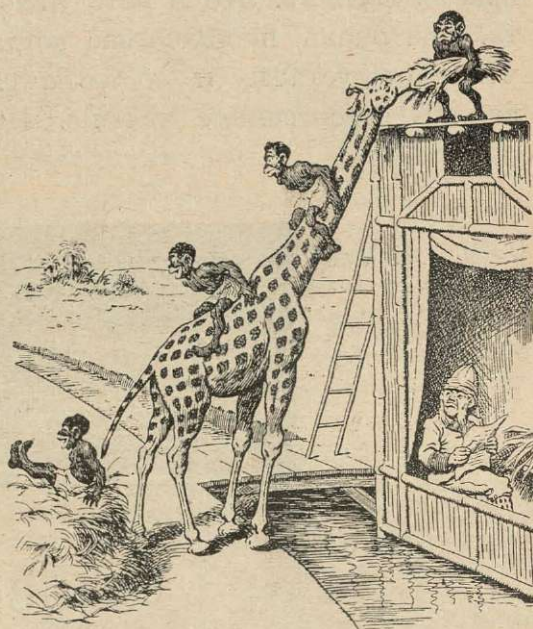
перчинка раздражаетъ нашу носовую полость; часто мы чихаемъ и при насморкѣ; это происходитъ потому, что благодаря простудѣ, раздражена слизистая оболочка нашего носа, т. е. произошло почти то-же, что и въ томъ случаѣ, когда въ носъ попала перчинка. Чиханье не зависитъ отъ нашей воли; оно самопроизвольно. Мы можемъ его только предупредить, сжавъ двумя пальцами то мѣсто носа, гдѣ начинается кость, и кончаются хрящи. Почему это происходитъ — неизвѣстно. Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ носа проходитъ такой нервъ, который заставляетъ нашъ мозгъ прекратить для чиханья свою работу.

Почему мы зѣваемъ? Мы зѣваемъ обыкновенно тогда, когда мы устали или хотимъ уже спать. Въ такихъ случаяхъ мы чувствуемъ общую слабость, всѣ наши члены дѣйствуютъ уже не такъ бодро, какъ дѣйствовали до сихъ поръ. Слѣдовательно, и дыханіе наше происходитъ ужъ не такъ глубоко, какъ было до нашей усталости: наши легкія уже устали, грудная клѣтка у насъ уже не поднимается такъ высоко, какъ поднималась раньше, намъ нужно отдохнуть, но мы все еще бодрствуемъ. Отъ этого происходитъ то, что въ наши легкія попадаетъ воздуху гораздо меньше, чѣмъ это нужно для нашего тѣла. Тогда нашъ мозгъ, замѣтивъ эту недохватку воздуха,

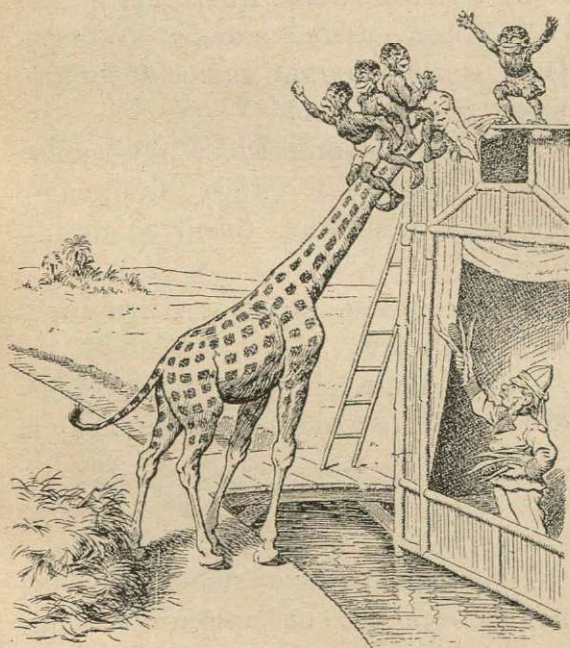
Неудавшееся катанье съ горы.

I.

II.

III.

IV.

заставляетъ насъ широко раскрыть ротъ и втянуть въ себя цѣлую новую струю воздуха до самыхъ краевъ легкихъ. Это и есть зѣвота. Она очень необходима, когда человѣкъ усталъ, и составляетъ вполнѣ естественное явленіе. Но

почему-же неприлично зѣвать при людяхъ? Да просто потому, что зѣвота есть послѣдствіе усталости и нехорошо поэтому показывать своимъ знакомымъ, что ты въ ихъ обществѣ усталъ или хочешь спать.

Изъ «The Childr. Encyclop.»

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) На деревенскомъ мосту лаяла собака всю ночь.

2) Нефть пробилась какъ-то мимо скважины и потекла въ сторону.

3) Дѣвочка выросла уже настолько, что теперь сама рассказываетъ своей нянѣ сказки.

4) Неумѣлый пахарь ковырялъ землю своей старомодной сохой, сѣялъ плохое зерно и, конечно, урожая у него не было.

5) Ты знаешь, что испытали русскіе въ 1812 году? Они пережили нашествіе Французовъ!

6) Сухари гарью пахнутъ.

7) Какъ велико зло въ людяхъ! Они истребляютъ даже безобидныхъ животныхъ!

8) Много мельникъ за эту весну похлопоталъ! У него прорвало плотину и нужно было ее починять.

9) Пшеница, рожь и жито мѣрь весь кормятъ.

10) У комара домъ вездѣ: гдѣ его ночь застанетъ, тамъ онъ и летаетъ.

II.

Названія какихъ деревьевъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Нашъ дядя часто пользуется отпускомъ.

2) Всякое мясо снаружи некрашено.

3) Если-бы я жилъ на дачѣ, то такъ все время въ саду-бы и сидѣлъ.

4) У нашего папы моль халатъ

поточила и мыши прогрызли шубу на спинѣ.

5) Журавль увязъ въ болотѣ.

6) Отъ тяжкихъ ударовъ молотомъ у каменьщика случилось трясенье въ обѣихъ рукахъ.

7) Надо обѣ заднія оси намазать детемъ!

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 13, помѣщенныхъ въ № 15 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда, хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда.

II) Пухъ, вакса, сумка, воскъ, сорока, серпъ. Задуманы слова — Москва + Серпуховъ.

III) Колесо, село, дома. Задумано — солома.

IV) Бесѣдка, карета, стрекоза = береза.

V) Колъ + кость = колкость.

VI) Соръ + Ока = сорока.

VII) Арбузъ, магазинъ, ель, роза, икра, крыса, аистъ = Америка.

VIII) Горъ + ох (горохъ), ... ма + + сло (масло), ... солонъ + ина (солонина), ... ква + съ (квасъ), ... хлѣ + бы (хлѣбы), ... мя + со (мясо), ... теля + тина (телятина), ... ки + сель (кисель), колба + са (колбаса), ... око + рокъ (окорокъ), ... са + ло (сало), ... мо + локо (молоко).

IX) Сукно, Будка, Крыса = собака.

X) По воздуху; отъ деревни.

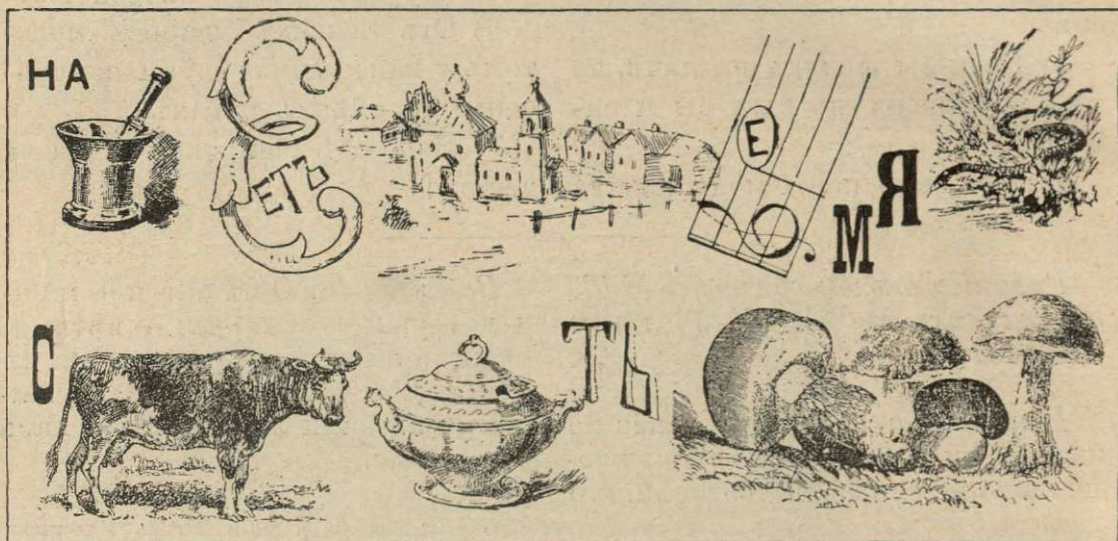
XI) По землѣ; за стѣнами.

Ребусъ № 13. С въ о + и + ми + + д + уши + сты + ми + вѣтка + + ми + ли + паукъ + рыла на съ отъ дождь + я. = Своими душистыми вѣтками липа укрыла насъ отъ дождя.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Игорь Максимовъ изъ Удѣльной; Лея Наумова въ СПБ., Мура Левашева изъ Бабигона; Нина Пигулевская изъ Россіенъ; Соня, Федя и Коля Климъ изъ Монаенокъ; Андрияша Федотовъ — Донской казачекъ изъ Щучина; Люля Крикмейръ изъ Новгорода; Миша, Коля, Маруся и Лия Побѣдимовы изъ Петергофа; Нина Букина изъ Смоленска; Женья Стрекоза и Сережа Тушканчикъ изъ Лыкошина; Миша Боярскій изъ Царскаго Села; Лея и Нина Кильціо, Регина и Яша Шабадь, Шура и Володя Ергаковы изъ Касимова; Фусъ изъ Лоидца; Боря Дзѣвановскій изъ Вороновиць; Е. Трублаевичъ изъ Каменецъ-Подольска; В. Румишевичъ изъ Чудова; Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы; Оля Волкова изъ Золотоноши; Лея изъ Епифани; Т. И. Темникова изъ Мотовилихи; Сережа и Шурикъ Фохты изъ Слонима; Шахъ-Гендрихъ изъ Кишенева; Федя Ландманъ изъ Архангельска; Коля Бубновъ изъ Мосальска; Соня Шераношеръ въ СПБ.; Александръ Гапонъ изъ Васильева; Кира Квашневская въ СПБ.; Тамара Байкова изъ Одессы.

Кромѣ того прислали вѣрное рѣшеніе ребуса № 12 и головоломки, помѣщенныхъ въ № 14: Ставлюя Глодеско изъ Гуниба; Сонечка, Есичка и Семичка Кира изъ Феодосіи; Миша Боярскій изъ Царскаго Села; Слава Василенко изъ Харькова; Нонна Грязная изъ Никольска-Уссурийскаго; Саня Козловскій изъ Хабаровска.

Ребусъ № 15.

(Фамиліи подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ: въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, для городскихъ подписчиковъ: въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Кромѣ того, подписка принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

